

«Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии

Александр Медяков

«Our Bismarck»? Russia in the German «iron chancellor's» policy and views
Alexander Mediakov (Lomonosov Moscow State University, Russia)

В 2009 г. на полках российских магазинов появилась книга «Наш Бисмарк»¹, представляющая собой переиздание немецкого труда конца XIX в. и его русский перевод. 110-летняя годовщина со дня смерти иностранного государственного деятеля оказалась достаточным поводом, чтобы в России начала XXI в. предложить читателю красочный панегирик в его честь, заимствованный из иного политического, культурного, временного контекста – и при этом рассчитывать на успех. Используя в отношении германского канцлера позапрошлого века притяжательное местоимение «наш», издатели не опасались столкнуться с недоумением, которое вызвали бы, скажем, «наш Гладстон» или «наш Меттерних». Это свидетельствует о том, что Бисмарк сохраняется удивительно «живым» в русской исторической памяти и массовом сознании. В его действиях пытаются увидеть некие модели взаимоотношений России и Германии и шире – России и Европы.

При этом практически в каждом исследовании о Бисмарке (а их в середине 1960-х гг. насчитывалось свыше 6100, а к настоящему времени стало едва ли не вдвое больше²) так или иначе освещено его отношение к России, игравшей в политике германского канцлера первостепенную роль³.

© 2015 г. А.С. Медяков

¹ Кремер Г., Аллерс А.В. Наш Бисмарк. М., 2009.

² Kolb E. Bismarck. München, 2009. S. 141.

³ Одних только работ с названием «Бисмарк и Россия» насчитывается около полутора десятков: Robolski H. Bismarck und Rußland. Enthüllungen über die Beziehungen Deutschlands und Rußlands von 1859 bis Heute. Berlin, 1887; Scheller E. Bismarck und Rußland. Marburg, 1926; Helms A. Bismarck und Russland. Bonn, 1927; Ebel W. Bismarck und Rußland vom Prager Frieden bis zum Ausbruch des Krieges von 1870. Gelnhausen, 1936; Heinze G. Bismarck und Russland bis zur Reichsgründung. Würzburg, 1939; Wittram R. Bismarck und Russland // Deutsch-russische Beziehungen von Bismarck bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1964; Wehler H.-U. Bismarcks späte Russlandpolitik 1879–1890 // Krisenherde des Kaiserreiches 1871–1918. Studien zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte. Göttingen, 1970; Fleischhauer E. Bismarcks Russlandpolitik im Jahrzehnt vor der Reichsgründung und ihre Darstellung in der sowjetischen Historiographie. Kiel, 1976; Wegner-Korfes S. Otto von Bismarck und Russland. Des Reichskanzlers Russlandpolitik und sein realpolitisches Erbe in der Interpretation bürgerlicher Politiker (1918–1945). Berlin, 1990; Katzer N. Bismarck und Rußland. Von der Reichsgründung bis zum Rückversicherungsvertrag // «Bismarck-Forum»: Ergebnisse einer Veranstaltung des Seminars für Geschichtswissenschaft der Universität der Bundeswehr Hamburg am 21. November 1996. Flensburg, 1997; Дегоев В.В. Россия и Бисмарк //

С другой стороны, собственно о Бисмарке и его отношении к России долгое время размышляли лишь немногие отечественные учёные⁴. После работ современников «железного канцлера»⁵ и всплеска интереса к нему, вызванного событиями Второй мировой войны⁶, последовало длительное затишье, прерванное только на рубеже 1980–1990-х гг.⁷ А в 2000-е гг. диссертации и публикации, затрагивающие различные аспекты данной темы, стали появляться буквально одна за другой⁸. Отмечавшееся в 2015 г. 200-летие со дня рождения «железного канцлера» даёт повод подвести определённый итог изучения личного восприятия им Российской империи, его русской политики и её оценки общественным мнением России и Германии и, наконец, дальнейшей судьбы «наследия Бисмарка».

* * *

России Бисмарк уделял особое внимание на протяжении всей своей почти полувековой политической деятельности. С «русскими» проблемами были связаны и его отставка в 1890 г., и политический дебют – первая большая речь в прусском ландтаге 3 декабря 1850 г. Она была посвящена так называемой «Ольмюцкой пунктуации» – соглашению между Австрией и Пруссией, заключённому 29 ноября 1850 г. и положившему конец обострению их соперничества за лидерство в Германии после революции 1848–1849 гг. Значительная часть общественного мнения Пруссии восприняла Ольмюц как «унижение» и обвиняла в нём Россию, сыгравшую роль посредника между двумя германскими державами. Бисмарк же выступил в защиту договора. Возражая тем, кто предлагал объявить России войну, он указывал не только на её разрушительность для Пруссии, но и бессмысленность из-за отсутствия «достойной добычи»⁹. Провозглашённый им в этой речи принцип целесообразности и «государственного эгоизма», рассматриваемого как «единственная здоровая основа великого государства», будет определять все повороты русской политики Бисмарка в последующие годы.

Именно этими соображениями он руководствовался во время Крымской войны, представляя Пруссию в бундестаге (главном политическом органе Гер-

Звезда. 2001. № 7. *Hildehran K.* Bismarck und Russland: Aspekte der deutsch-russischen Beziehungen 1871–1890. Friedrichsruh, 2003; *Gall L.* Bismarck und Russland // *Russland und Deutschland. Die gemeinsame Geschichte und ihre Erforschung. Beiträge zur Eröffnung des Deutschen Historischen Instituts in Moskau* 12. September 2005. Moskau, 2006; *Burgaud S.* La politique russe de Bismarck et l'unification allemande. Mythe fondateur et réalités politiques. Strasbourg, 2010.

⁴ Подробнее см.: *Иваняков Р.И.* Отто фон Бисмарк в отечественной историографии 1920-х – 1950-х гг. // *Метаморфозы истории.* 2003. № 3.

⁵ *Утин Е.И.* Вильгельм I и Бисмарк. Исторические очерки. СПб., 1892; *Сементковский Р.И.* Князь Бисмарк. Его жизнь и государственная деятельность. М., 1895; *Слонимский Л.З.* Князь Бисмарк. Опыт характеристики. СПб., 1908.

⁶ *Ерусалимский А.С.* Бисмарк как дипломат // *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940; *он же.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968; *Ревуненков В.Г.* Приход Бисмарка к власти. Л., 1941; *Ротштейн Ф.А.* Из истории Пруско-германской империи. М., 1948.

⁷ *Чубинский В.В.* Бисмарк. Политическая биография. М., 1988; *Оболенская С.В.* Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992.

⁸ *Иваняков Р.И.* Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859–1862 гг.). Псков, 2008; *Юртаев С.А.* Внешняя политика О. фон Бисмарка в 1871–1890 гг. в отражении общественного мнения России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Ипатов А.М.* Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011; *Дударев В.С.* Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013.

⁹ *Bismarck O.* Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Historisch-kritische Gesamtausgabe, besorgt von. Horst Kohl. Bd. 1. Stuttgart, 1892. S. 264.

манского союза) во Франкфурте-на-Майне. Фридрих Вильгельм IV, по ироническому выражению Николая I, «ложась каждый вечер русским и просыпаясь англичанином», лавировал, подвергаясь давлению и либеральной группировки, выступавшей за союз с Англией и Францией, и консервативных сторонников России. Бисмарк же вновь предпочёл идеологическим мотивам практические. Своими действиями в бундестаге в начале 1855 г. он сумел добиться мобилизации сил Германского союза не против России, как предполагалось в исходном австрийском проекте, а «во всех направлениях». При этом он по-прежнему исходил из того, что у Пруссии не было никакой практической цели в подобной войне, после которой Берлину постоянно приходилось бы считаться со стремлением соседней империи к реваншу. К тезису об опасности и бесцельности войны против России в это время добавляются ещё два аргумента, которым также предстояло стать константами русской политики Бисмарка: общность интересов в польском вопросе и угроза войны одновременно против «жадной к добыче» Франции и России – в том случае, если Пруссия сделает последнюю врагом¹⁰.

Будучи с 1859 по 1862 г. прусским посланником в Петербурге, Бисмарк, по разным личным обстоятельствам подолгу оставлявший свой пост, всё же имел возможность ближе познакомиться с реалиями России, а также с Александром II и кн. А.М. Горчаковым, которого он уже знал по Франкфурту.

Осенью 1862 г. Бисмарк возглавил правительство Пруссии, и первой же его крупной внешнеполитической инициативой стало заключение 8 февраля 1863 г. «конвенции Альвенслебена», предусматривавшей взаимную военную помощь при подавлении восстания, вспыхнувшего в русской Польше. И хотя это соглашение формально так и не вступило в силу, и даже отчасти повредило русским интересам, подняв «общий переполох» в Европе¹¹ и тем самым способствуя интернационализации польского вопроса, в долгосрочной перспективе оно стало важным рубежом в деле германского объединения. Его значение для воссоздания ослабевших после Ольмюца традиционных русско-прусских связей оказалось, возможно, даже бóльшим, чем предполагал Бисмарк. Отправляя Альвенслебена в Петербург, он стремился лишь избежать распространения волнений среди прусских поляков и помешать либерализации польской политики России, которая облегчала бы её сближение с Францией, вызывавшее у Бисмарка опасение¹². При этом в Берлине полагали, что «позиция обоих дворов по отношению к польской революции по сути является позицией двух союзников, которым угрожает общий враг»¹³. Однако уже в июне 1863 г. Александр II предложил Вильгельму I более общий политический и военный союз. И если к самой миссии Альвенслебена в России отнеслись довольно прохладно, то последовавшая весной–летом 1863 г. «война нот» между Петербургом и Парижем, Лондоном и Веной вновь напомнила о «крымской коалиции» и придала прусской дружбе совсем иной вес. В результате в Европе возник новый расклад сил: период сближения между Россией и Францией закончился,

¹⁰ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. С. 82; Liszkowski U. Von dynastischen Briicken zu Schutzzeichen gegen die russische Gefahr – Bismarcks Rußlandbild // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19/20 Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München, 2000. S. 115.

¹¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 63–66.

¹² Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 223–225.

¹³ Die Auswärtige Politik Preußens (далее – APP) 1858–1871. Oldenburg, 1934–1945. Bd. III. S. 223.

отказ Англии от участия в задуманном Наполеоном III европейском конгрессе заметно ослабил англо-французские связи, Австрия не вышла из изоляции, в которой оказалась во время австро-франко-пьемонтской войны 1859 г., и ещё больше ожесточила против себя Россию, где хорошо помнили её «предательство» в годы Крымской войны. В этой обстановке всеобщей разобщённости восстановление русско-прусских связей было весьма существенным. В самом начале польского кризиса 1863 г. в ответ на ссылку английского посланника на мнение «Европы» Бисмарк спросил: «Кто это – Европа?»¹⁴. В конце года этот вопрос прозвучал бы ещё более обоснованно.

Именно отсутствие «Европы» стало предпосылкой политики Бисмарка по объединению Германии, состоявшемся, как известно, посредством трёх войн. В 1864 г. в войне Австрии и Пруссии против Дании Россия сохранила нейтралитет. Но хотя Бисмарк и уверял кн. Горчакова в том, что всё зависит от того, «бросит ли Россия свою гирию на чашу весов»¹⁵, в действительности у империи, ослабленной восстанием и переживавшей «эпоху реформ», не было особого выбора. Как признавал в сентябре 1865 г. в докладе Александру II кн. Горчаков, русская политика в датском вопросе определялась последствиями польского кризиса. Россия стремилась прежде всего не допустить конфликта между Австрией и Пруссией и вмешательства Франции, поскольку «междоусобная война открыла бы двери иностранной интервенции, которая могла бы захватить и Польшу»¹⁶. Бисмарк прекрасно это понимал и пугал российских дипломатов последствиями появления, к примеру, французских войск в Данциге¹⁷. В итоге в Петербурге не сказали твёрдого «нет» в ответ на просьбу Бисмарка «дать обменяться с Данией несколькими пушечными выстрелами», а попытки вынести обсуждение конфликта весной-летом 1864 г. на конференцию в Лондоне сорвались из-за отсутствия «Европы». Будучи готова поддержать на предполагаемой конференции «защиту права и равновесия», Россия не хотела выступать на первых ролях, дабы не портить свои отношения с Пруссией и Австрией.

Несколько иная ситуация сложилась в ходе австро-прусской войны 1866 г. Здесь Бисмарк столкнулся с гораздо более чётко выраженным желанием России не допустить чрезмерного усиления Пруссии. В германском вопросе кн. Горчаков предпочитал, «чтобы согласие между двумя великими немецкими державами не было нарушено, потому что мы не могли бы принять сторону одной, без того, чтобы не бросить другую в объятия наших противников». Отношения с Пруссией перед войной он характеризовал как дружественные, однако ему казалось, что «та цель, которую преследует берлинский кабинет, и характер его современной политики, ни перед чем не останавливающейся, чтобы добиться своего, исключает возможность тесного сближения»¹⁸. Иными словами, российский вице-канцлер вовсе не собирался поддерживать политику Пруссии, направленную на объединение Германии.

Об этом свидетельствовали и дипломатические шаги, особенно активно предпринимавшиеся Россией с весны 1866 г., а также личные обращения Александра II к прусскому королю¹⁹. Бисмарк же, всякий раз напоминая о враж-

¹⁴ *Blum H.* Fürst Bismarck und seine Zeit. Bd. 2. München, 1894. S. 379.

¹⁵ Письма О. Бисмарка А.М. Горчакову // Красный архив. 1933. № 6. С. 14.

¹⁶ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе // Красный архив. 1939. № 2. С. 107.

¹⁷ Там же. С. 65, 66.

¹⁸ Там же. С. 107, 109.

¹⁹ *Schweinitz L.* Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Bd. 1. Berlin, 1927. S. 194–202; APP. Bd. VI. S. 777.

дебности Австрии русским интересам на Балканах, в июне 1866 г. предпочёл поставить Петербург перед свершившимся фактом начавшейся войны. Тогда 1 июля российский МИД предложил великим державам с помощью коллективного демарша создать «моральный барьер» «пруссским насилиям»²⁰. Даже после сокрушительного разгрома Австрии и подписания 26 июля Никольсбургского перемирия Александр II считал недопустимым изменение созданного в 1815 г. положения вещей «без Европы» и выступил с инициативой проведения конгресса²¹. Дабы изменить эту позицию, Вильгельм I написал ему успокоительное письмо²². Царю обещали щадить родственные династии южногерманских государств, выступивших союзниками Австрии, а также намекали на возможность компенсаций России за австрийский счёт²³. В августе к Александру II был отправлен генерал Мантойфель²⁴, которому поручалось обещать России поддержку в отмене нейтрализации Чёрного моря и одновременно напомнить о нежелательности дестабилизации обстановки в Германии. «Если суждено быть революции, – рассуждал Бисмарк, – то лучше мы устроим её сами, чем подвергнемся ей»²⁵. Взаимное недовольство между Россией и Пруссией достигло в 1866 г. высшей точки²⁶.

Однако итоги войны создали совершенно новую политическую ситуацию, диктовавшую обеим странам иные подходы к двусторонним отношениям. «В целом, – писал кн. Горчаков, – мы не можем не понимать, что поглощение Германии Пруссией не в наших интересах. В этом отношении определённая общность взглядов должна нас сближать с Францией». Но постоянная враждебность французских государственных деятелей в отношении русской политики в Польше и на Востоке, заставляла Россию более сдержанно реагировать на нежелательное нарушение равновесия в центре Европы в пользу Пруссии²⁷.

Следовало учитывать и изменения во внешней политике Австрии: утратив прежнее положение в Германии и заключив в 1867 г. австро-венгерское соглашение, она всё чаще обращала своё внимание на восток²⁸.

Существовало также опасение, что мечтающая о реванше Австрия вместе с Францией выступит против Пруссии, и тогда Россия, «несмотря на отвращение к неблагодарной роли спасителя Европы», не сможет остаться нейтральной. «Если мы позволим Франции и Австрии разгромить Пруссию, наши позиции на Востоке и в Польше станут хуже, чем в 1812 г.», – писал 20 февраля 1868 г. русскому послу в Вене Э.Е. Стакельбергу советник МИД А.Г. Жомини²⁹. Подобные соображения общеполитического характера временами беспокоили тогда Петербург даже сильнее, чем статус Чёрного моря, проливов и Балкан.

²⁰ Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М., 1960. С. 113.

²¹ Schweinitz L. Op. cit. S. 241.

²² Тамуцев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1903. С. 60–61.

²³ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 66, л. 401–402; Bismarck O. Die gesammelten Werke (далее – GW). Berlin, 1924–1935. Bd. VI. S. 56.

²⁴ О его миссии подробнее см.: Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 140–146.

²⁵ GW. Bd. VI. S. 120.

²⁶ Fleischhauer E. Op. cit. S. 146.

²⁷ АВПРИ, ф. 137, оп. 477, д. 56, л. 4–6.

²⁸ Об австро-русских отношениях в эти годы подробнее см.: Медяков А.С. Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010.

²⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 151, л. 432.

Как констатировал 16/28 мая 1867 г. в письме к кн. Горчакову Стакельберг, Россия не могла брать на себя какие-либо обязательства «против нашего соседа и единственного союзника ни для того, чтобы ускорить гибель одного трактата..., ни даже за обещание помощи в решении великой восточной проблемы». По словам Александра II, это мнение было «весьма справедливо»³⁰.

Понимая всё это, Бисмарк не просто «должен был вести на Неве игру одурачивания: немного обещать, ничего не выполняя»³¹. Он не устал заявлять, что в Пруссии считают Россию «естественным историческим и ближайшим союзником»³² и готовы поддержать её стремление к отмене нейтрализации Чёрного моря³³, и вместе с тем регулярно поставлял в Петербург доказательства сотрудничества Австрии и Франции в Европе и на Востоке³⁴. В марте 1868 г. был заключён «союз сердец» – российский император устно пообещал дяде, что в случае войны Пруссии с Францией выставит на австрийской границе 100-тысячный корпус. Горчаков, по собственному выражению, попытался «добавить неопределённости» в конкретные военные обязательства, дабы не развязывать руки пруссакам, однако «император хотел быть более позитивным»³⁵.

В начале франко-германской войны 1870–1871 гг. в России сознавали, что победа Пруссии значительно усилит её могущество и вызовет резкое изменение европейского равновесия. Однако торжество Франции, к которой, вероятно, присоединилась бы и Австро-Венгрия, могло увековечить Парижский трактат 1856 г. и привести со временем к восстановлению Польши. Вместе с тем в Петербурге считали, что определить условия будущего мира следует при обязательном участии «Европы».

31 августа 1870 г., уже после решающих прусских побед, Горчаков писал Александру II, что постоянные заявления Бисмарка о монархической солидарности – это хорошо, «но я не вижу, почему он говорит только об антанте по этому пункту, в то время как хранит полное молчание о нашем участии в обсуждении мира, который существенно изменит политическую ситуацию в Европе»³⁶. Даже после знаменитой депеши 19(31) октября об отказе России от нейтрализации Чёрного моря баварский дипломат доносил Людвигу II о намерении Горчакова «связать ревизию договоров 1856 г. с предстоящим заключением мира между Францией и Германией и тем самым сделать большую часть преобразования Европы предметом обсуждения европейским конгрессом»³⁷. Однако перспектива созыва такого конгресса становилась сомнительной из-за сопротивления Бисмарка и разлада в рядах великих держав. В итоге Россия приняла свершившиеся в Германии факты.

С 1871 г., ставшего временем наибольшего сближения между Петербургом и Берлином, ведёт отсчёт и новая ситуация, когда России приходилось иметь дело уже не с маленькой Пруссией, а с Германской империей, искавшей себе место в Европе. Для Бисмарка в этом поиске позиция России имела ключе-

³⁰ Там же, д. 163, т. II, л. 459.

³¹ *Burgaud S. Déconstruire le mythe fondateur: la politique russe de Bismarck dans la voie prussienne vers l'unité allemande (1863–1871) // Histoire, économie et société. 2008. № 3. P. 105.*

³² APP. Bd. IX. S. 644–645, 706.

³³ Ibid. Bd. VIII. S. 485, 611.

³⁴ Ibid. Bd. IX. S. 479.

³⁵ АВПРИ, ф. 172, оп. 514/2, д. 71, л. 247. Об этом князь сообщил 20 февраля 1868 г. Стакельбергу.

³⁶ Там же, ф. 133, оп. 470, д. 43, л. 292.

³⁷ Bayerisches Hauptstaatsarchiv (BHStA), München. MA I. № 635. Bray an Ludwig II. S.-Petersburg, 18./6. November 1870.

вое значение. Будучи самой сильной в военном отношении континентальной державой и, значит, потенциально самой опасной, она к тому же могла стать союзником стремившейся к реваншу Франции.

Одним из моментов истины явилась знаменитая «военная тревога» весны 1875 г. – кампания давления на Францию, проведённая Бисмарком с целью выяснить, какие масштабы и характер роста германской мощи окажутся приемлемыми для Европы. Перед этим Петербург посетил пользовавшийся личным доверием Бисмарка Й. Радовиц³⁸. Оценка данных шагов канцлера по сей день вызывает споры в историографии. Чего ещё он хотел от России, если к этому моменту Германия и так уже была связана с ней «соглашением трёх императоров» 1873 г.? Одни полагают, что Бисмарк предложил России своеобразный размен – помощь в восточных делах в обмен на свободу рук в отношении Франции, создание системы своеобразной «разделённой гегемонии» России и Пруссии в Европе³⁹. Другие характеризуют историю с разменом как пущенную Горчаковым «легенду», в то время как истинную цель миссии они видят в том, чтобы отвлечь внимания великих держав на Восток⁴⁰.

Как бы то ни было, сделанные в начале 1875 г. шаги закончились самым крупным поражением в дипломатической карьере Бисмарка. Не проявив интереса к «миссии Радовица», Петербург совместно с Лондоном выступил против германского давления на Францию, дальнейшее ослабление которой было признано неприемлемым для обеих держав. Однако общеевропейская ситуация определялась не только кризисами на западе, но и положением на востоке.

Начиная в 1875 г. своё дипломатическое наступление, Бисмарк, вероятно всего, не ставил перед собой конкретной задачи повторного разгрома Франции, собираясь действовать по обстоятельствам. Война против Франции, как и размен сферами влияния с Россией, скорее должны рассматриваться как крайние в ряду лежавших перед ним опций. Напротив, обращение к восточному вопросу являлось одним из неизменных инструментов русской политики Бисмарка, начиная со времён Крымской войны⁴¹. Сразу по вступлении в должность премьер-министра Пруссии в 1862 г. он сформулировал своеобразное внешнеполитическое кредо: «Восточный вопрос – это та область, в которой мы можем быть полезны друзьям и нести вред врагам, не будучи сдерживаемыми прямыми собственными интересами»⁴².

В 1860-е гг. Бисмарк использовал в своих целях главным образом стремление Петербурга избавиться от ограничений 1856 г., рассматривая его как средство развивать отношения с Россией, а ноту Горчакова в сложных условиях осени 1870 г. – как «большую удачу»⁴³. Однако и после того, как этот конкретный рычаг воздействия на соседнюю империю исчез, а сам Бисмарк поменял масштаб своей деятельности с прусского на германский, общий подход остал-

³⁸ См.: *Radowitz J. M. Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Joseph Maria von Radowitz*. Stuttgart, Berlin, 1925. Bd. 1. S. 296–309.

³⁹ См. подробнее: *Lappenküper U. Die Mission Radowitz. Untersuchungen zur Rußlandpolitik Otto von Bismarcks (1871–1875)*. Göttingen, 1990; *Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870–1890. Aufstieg und Gefährdung*. Paderborn, 2003.

⁴⁰ *Baumgart W. Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830–1878*. Paderborn, 1999. S. 411–412.

⁴¹ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 82.

⁴² GW. Bd. XIV/2. S. 629.

⁴³ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 99.

ся неизменным. Выступая 5 декабря 1876 г. в рейхстаге, Бисмарк облёк его в крылатую фразу, заявив, что на Востоке нет такого интереса, который бы стоил «костей одного померанского мушкетёра»⁴⁴. За три года до отставки он, поменяв «мушкетера» на «гренадера», счёл возможным повторить это выражение⁴⁵. При всём различии конкретных политических ситуаций, в которых Бисмарк высказывался по поводу роли восточного вопроса во взаимоотношениях с Россией, само постоянство, с каким он возвращался к этой мысли на протяжении без малого 40 лет, свидетельствует, что в широкой политической перспективе речь идёт о важнейшем факторе и инструменте его русской политики – в то время, как, например, ссылки на антипольскую солидарность с годами звучали всё реже.

Из этой важности вытекало то обстоятельство, которое долго не могли осознать в России, а именно – нежелание Бисмарка расставаться со столь долговременным и эффективным инструментом, стремление сохранить восточный вопрос в повестке дня европейской политики. В Петербурге же ждали от Бисмарка активной поддержки на Востоке в благодарность за оказанную в 1870 г. услугу по нейтрализации Австрии. Однако Бисмарк сначала уклончиво ответил в октябре 1876 г. на прямой вопрос Александра II, заданный через генерала Б. Вердера: будет ли Германия в случае войны России с Австрией «действовать, как он в 1870 г.»⁴⁶ А затем и вовсе выступил на Берлинском конгрессе 1878 г. в роли «честного маклера», всего лишь посредника, тогда как в Петербурге ожидали увидеть в Бисмарке скорее своего адвоката.

Между тем на протяжении всей своей восточной политики Бисмарк в самом деле действовал как своего рода политический маклер – рационально и с расчётом на собственные «комиссионные». Его высказывание о «костях померанского мушкетёра» часто ошибочно трактуется как выражение полной незаинтересованности Германии в восточном вопросе. В действительности, в этой речи говорилось лишь о необходимости «беречь кровь наших солдат» и нежелании воевать из-за Балкан, но вместе с тем признавался, в частности, и интерес Германии к защите христианского населения Османской империи. Не отрицал Бисмарк и наличие экономических интересов Германии на Балканах⁴⁷. Но ещё важнее были политические выгоды. Так, например, начало в 1875 г. Восточного кризиса облегчило Бисмарку выход из сложной ситуации, связанной с «военной тревогой». В долгосрочной перспективе канцлер считал, что политика России на Балканах приводит её в «восточный тупик», ослабляя самого сильного из потенциальных соперников Германии, и потому «не в наших интересах препятствовать России расходовать избыток своих сил на Восто-

⁴⁴ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 2. Legislaturperiode. IV. Session 1876. Bd. 1. Berlin, 1876. S. 585. См. также: http://www.reichstagsprotokolle.de/l150_Blatt3_k2_bsb00018384_00615.html

⁴⁵ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. VI. Legislaturperiode. IV. Session 1886/87. Bd. 1. Berlin, 1887. S. 723. См. также: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k6_bsb00018465_00353.html

⁴⁶ Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914 (далее – GP). Berlin, 1922–1927. Bd. 2. S. 153–154. Подробнее см.: Schmidt R.F. Die «Doktorfrage» aus Eivadia vom Herbst 1876 – «Durch dick und dünn» als Provokationsstrategie Bismarcks // Historische Zeitschrift 2004. № 279/2. S. 335–385.

⁴⁷ Военное и экономическое сотрудничество с Турцией Бисмарк стал особенно поощрять в 1880-е гг.: Schöllgen G. Zwischen Abstinenz und Engagement. Bismarck und die orientalische Frage // Bismarck und seine Zeit. Berlin, 1992. S. 155–172.

ке»⁴⁸. Поэтому на Берлинском конгрессе Бисмарк выступал не как миротворец и тем более «друг России», но отстаивал те подходы, которые должны были привести к желательному для Пруссии исходу восточного кризиса и ещё за год до этого излагались им в программной «киссингеновской диктовке». Речь шла о смещении русских и австрийских интересов и их взаимного соперничества на Восток, а также о том, чтобы заставить Россию занять там оборонительную позицию, которая вынудила бы её искать союза с Германией⁴⁹. Те же цели в несколько более циничной форме Бисмарк сформулировал после окончания Берлинского конгресса: «Держать восточный гнойник открытым и тем самым разрушать единство прочих держав и обеспечивать нам мир»⁵⁰.

Кризис 1875–1878 гг. обострил австро-русские противоречия на Балканах и заметно ухудшил русско-германские отношения. Стремясь к тому, «чтобы все державы, кроме Франции, в нас нуждались»⁵¹, Бисмарк искал теперь новые подходы к решению стоявшей перед ним задачи. Несмотря на красочное описание в его мемуарах «выбора» между Россией и Австро-Венгрией⁵², заключение в 1879 г. австро-германского договора стало основой не только для сближения с Веной, но и для знаменитой системы союзов Бисмарка, в которой связям с Петербургом по-прежнему отводилась первостепенная роль. Хотя союз 1879 г. носил антирусскую направленность, Бисмарк полагал, что возникшая угроза изоляции заставит Россию вновь искать германской дружбы. Союз трёх императоров 1881 г. существенно приблизил «железного канцлера» к желаемому результату: Франция изолировалась ещё прочнее, а незаживающий «восточный гнойник» позволял поддерживать контролируемую напряжённость между Россией и Австро-Венгрией, мешая им примириться, но и не доводя дело до войны.

Вместе с тем, хотя на карикатурах Бисмарк изображался жонглирующим пятью шарами – великими державами, в действительности они отнюдь не были безвольными орудиями в его руках. Так, в своей оценке балканской политики как «восточного тупика» России Бисмарк исходил в том числе из константы туркофильской политики Англии, позволявшей Австро-Венгрии переложить часть задачи по противодействию России на плечи Лондона. Но в 1880 г. к власти пришёл кабинет У. Гладстона, не скрывавшего солидарности с угнетаемыми народами Османской империи. Поэтому начавшийся в 1885 г. Болгарский кризис Австро-Венгрия встретила без привычной английской опоры и ожидала более действенной поддержки из Берлина. Бисмарк же заявил, что не желает «таскать каштаны из огня для Англии». Озабоченный начавшимся практически одновременно «буланжистским кризисом» во Франции, он надеялся разрешить ситуацию с помощью России и, казалось, имел к этому основания. Прибывший в Берлин в конце 1886 г. гр. П.А. Шувалов предлагал заключить соглашение, при котором Россия сохраняла бы нейтралитет в случае франко-германской войны в обмен на предоставление свободы рук в Болгарии и проливах. Вскоре после этого Бисмарк выступил с речью о «померанском гренадере», в частности, заявив: «Мы никому не позволим из-за этого вопроса накинуть нам пово-

⁴⁸ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. С. 163.

⁴⁹ GP. Bd. 2. S. 153.

⁵⁰ Цит. по: Baumgart W. Bismarcks Außenpolitik. Einige grundsätzliche Bemerkungen // Deutschland und Europa. Außenpolitische Grundlinien zwischen Reichsgründung und Erstem Weltkrieg. Stuttgart, 2004. S. 18.

⁵¹ GP. Bd. 2. S. 52.

⁵² Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 211–215.

док на шею, чтобы рассорить нас с Россией»⁵³. В Вене прекрасно поняли, что «никому» в данном случае означает «Австрии».

Как и в период «военной тревоги» 1875 г., Бисмарк в ходе двойного кризиса середины 1880-х гг. хотел сохранить за собой свободу манёвра, видя несколько вариантов возможного развития событий. Наименее желательным из них он считал войну между Россией и Австро-Венгрией, поскольку в неё могла оказаться втянутой и Германия, а Франция воспользовалась бы этим для нападения. Разъясняя в специальном циркуляре германским дипломатическим представителям свою речь в рейхстаге, канцлер признавался, что намеренно преувеличил степень русско-германской дружбы, дабы продемонстрировать Петербургу примирительное настроение и одновременно отрезвить те силы в Австро-Венгрии, которые хотели войны с Россией⁵⁴. Но если австро-русской войны на Востоке всё же не удалось бы избежать, как полагают исследователи, «железный канцлер» скорее всего атаковал бы Францию, по возможности воздерживаясь от выступления против России⁵⁵.

При этом любой вариант предполагал использование «восточного тупика»: поощрял активность России на Балканах, Бисмарк одновременно противопоставлял ей «лигу» государств, имевших собственные интересы в регионе, и дистанцировался от возникавшего противостояния. На протяжении 1887 г. это осуществлялось им с помощью политики союзов. При продлении в феврале Тройственного союза в дополнительном договоре были учтены интересы Италии на Балканах. Бисмарк также добился включения Австро-Венгрии в Средиземноморскую антанту, созданную Англией и Италией, для обеспечения status quo в бассейне Средиземного моря. Более того, он способствовал тому, что условия этого соглашения были распространены его участниками на Османскую империю, включая Болгарию и проливы. Между тем именно на эти цели германский канцлер указывал российским дипломатам и непосредственно Александру III, обещая своё содействие в соответствии с «договором о перестраховке», заключённым в июне того же года⁵⁶. Тем самым Бисмарк приглашал Россию «глубже зайти в восточный тупик»⁵⁷.

Вместе с тем этот договор свидетельствовал о невозможности сохранить Союз трёх императоров после того, как Австро-Венгрия, по выражению Александра III, «подложила ему свинью» в Болгарии. Тем самым терялись многие выгоды положения Германии как ведущей силы в связке трёх «восточных дворов». В частности, в силу секретного характера «договора о перестраховке», Бисмарк не имел больше возможности указывать Вене на связь Германии с Россией и тем обеспечивать определённую дистанцию по отношению к Австро-Венгрии. Однако договор позволял сохранить столь важные для канцлера

⁵³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. VI. Legislaturperiode. IV. Session 1886/87. Bd. I. S. 337. См. также: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k6_bsb00018465_00353.html

⁵⁴ GP. Bd. 5. S. 116–117.

⁵⁵ *Canis K.* Bismarcks Außenpolitik nach 1871: die Frage der Alternativen // Deutschland und Europa. Außenpolitische Grundlinien zwischen Reichsgründung und Erstem Weltkrieg. Stuttgart, 2004. S. 25–34; *Ballhausen L.* Op. cit. S. 373.

⁵⁶ *Ballhausen L.* Op. cit. S. 442, 504; GP. Bd. 6. S. 311; *Eckardstein H.* Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten. Bd. II. Leipzig, 1921. S. 99.

⁵⁷ GP. Bd. VI. S. 303. Любопытна заочная полемика между ним и будущим кайзером Вильгельмом II, отразившаяся в их пометах на документах. «Вот только она, к сожалению, заметила тупик и чертовски мало хочет в него заходить», – писал молодой принц о России. «Нет, она зайдёт, – возражал Бисмарк, – как только Австрия перестанет мешать этому».

особые отношения с Россией и препятствовал её сближению с Францией. К тому же он рассматривался как дополнительная гарантия безопасности Германии. Как писал своему брату статс-секретарь германского внешнеполитического ведомства Г. Бисмарк, сын канцлера, этот договор «в случае чего не подпустит русских к нашему горлу на 6–8 недель дольше, чем без него»⁵⁸.

В целом позиция Бисмарка по отношению к России в конце 1880-х гг. становилась более жёсткой. В инструкции германскому послу в Петербурге Л. Швейницу указывалось, что «договор о перестраховке» не предусматривает каких-либо уступок со стороны Германии, которая при необходимости сможет выдержать даже совместное нападение на неё России и Франции»⁵⁹. Пытаясь «вынудить Россию... больше учитывать наши интересы» и одновременно делая уступку прусским аграриям и антирусскому общественному мнению, Бисмарк обнародовал текст австро-германского договора 1879 г., повысил ввозные пошлины на зерно и закрыл осенью 1887 г. берлинский денежный рынок для русских ценных бумаг⁶⁰. В типичном для него стиле силовой дипломатии Бисмарк доказывал партнёрам ценность германской дружбы, делая им больно. В данном случае задача заключалась в том, чтобы «объяснить царю его благо палочными ударами»⁶¹. Однако долгосрочные результаты этих действий для русско-германских отношений оказались крайне неблагоприятными: Франция сменила Германию в роли главного кредитора России и именно тогда возник «экономический фундамент русско-французского союза»⁶².

Бисмарк явно не предвидел этих последствий и не собирался отказываться в дальнейшем от сближения с Россией. В марте 1888 г., излагая новому императору Фридриху III свою внешнеполитическую программу, он вновь говорил об отсутствии серьёзных противоречий между Берлином и Петербургом, о бесцельности войны с Россией и о желательности поощрения её активности на Балканах. Эти идеи встретили полное понимание тяжело больного монарха, но Бисмарк не дождался ни одного одобрительного кивка от присутствовавшего при его докладе кронпринца Вильгельма⁶³.

Вступив летом 1888 г. на престол, Вильгельм II практически сразу вошёл в противоречия с Бисмарком по ряду вопросов внутренней политики, во внешней же главным камнем преткновения оказались взаимоотношения с Россией. Уже тогда ему казалось «несчастьем, что Бисмарки, отец и сын, имеют так много склонности к России»⁶⁴. В марте 1890 г. он вынудил канцлера подать в отставку, обвинив его в сокрытии одного из консульских донесений о якобы

⁵⁸ Staatssekretär Graf Herbert von Bismarck: Aus seiner politischen Privatkorrespondenz. Göttingen, 1964. S. 457.

⁵⁹ GP. Bd. V. S. 249.

⁶⁰ Ibid. S. 281–282; *Ballhausen L.* Op. cit. S. 582. Об экономических аспектах русско-германских отношений в эпоху Бисмарка см.: *Müller-Link H.* Industrialisierung und Außenpolitik: Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890. Göttingen, 1977.

⁶¹ Staatssekretär Graf Herbert von Bismarck. S. 479.

⁶² *Жиро Р.* Финансы и политика во франко-русских отношениях 1887–1889 гг. // Французский ежегодник. 1967. М., 1968; *Gatrell P.* Government, Industry and Rearmament in Russia 1900–1914. The Last Argument of Tsarism. Cambridge, 1994. P. 16; *Kestler S.* Betrachtungen zur kaiserlich-deutschen Rußlandpolitik: ihre Bedeutung für die Herausbildung des deutsch-russischen Antagonismus zwischen Reichsgründung und Ausbruch des Ersten Weltkrieges (1871–1914). Hamburg, 2002. S. 462.

⁶³ *Ballhausen L.* Op. cit. S. 442.

⁶⁴ *Waldersee A.* Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 2. Stuttgart; Berlin, 1922. S. 13.

исходившей от России «страшной опасности». В своём прошении об отставке 18 марта 1890 г. Бисмарк писал, что не может принять намеченный молодым кайзером курс, поскольку тем самым он «поставил бы под вопрос все те важные для Германской империи успехи, которых... наша внешняя политика в течение десятилетий достигла в наших отношениях с Россией»⁶⁵.

* * *

Всё это свидетельствует о том, что существующие до сих пор представления о «русофильстве» Бисмарка едва ли верны⁶⁶. Бисмарк не был русофилом в смысле каких-либо симпатий к России. Представление о его особых русских пристрастиях возникло ещё при жизни канцлера в результате сочетания нескольких факторов: политики, проводившейся им в отношении России, петербургского эпизода его биографии, знания русского языка и, наконец, ряда широко известных исторических анекдотов, которые эмоционально окрашивали отношение Бисмарка к соседней империи.

Владение русским языком действительно резко выделяло Бисмарка из рядов иностранных дипломатов XIX в. и безусловно свидетельствовало об интересе к стране, в которой он оказался. Во время пребывания в Петербурге он брал уроки русского языка и в итоге выучился читать и говорить по-русски не бегло, но довольно правильно⁶⁷. Бисмарк удивлялся, что такой во многом отсталый народ обладает столь красивым и совершенным языком, который «гораздо лучше, чем сами русские»⁶⁸. Впоследствии Бисмарк довольно часто использовал русские выражения в пометах на донесениях германских дипломатов, особенно если речь шла о личных характеристиках – «хитрец», «болтун», «глупец». Определённые навыки Бисмарк сохранял до старости, в частности, посетившему его вскоре после отставки корреспонденту «Нового времени» Е. Львову он сообщил, что всё ещё может читать по-русски. При этом в беседу он вставлял отдельные фразы, вроде «кушайте – ничего!»⁶⁹.

Это «ничего» было любимым русским словечком Бисмарка, в своё время поразившим его широтой своего употребления русскими и использовавшимся им даже в частной жизни (например, в переписке с женой). Львову Бисмарк говорил, что его русский – это язык не салонов и книг, а простого народа, «где такую сильную роль играет магическое “ничаво”»⁷⁰. Ещё в 1885 г. Бисмарк рассказал одному «дипломату» о том, как он заказал себе кольцо с русским словом «ничего». Это выражение он услышал ещё в 1862 г. от крестьянина, взявшегося быстро довести его по бездорожью из глухой деревни на царскую охоту и одним этим словом не только отвечавшего почти на любой вопрос спутника, но и утешавшего вывалившегося из дрожек седока⁷¹. Слух о «железном кольце железного канцлера» немедленно разнёсся по свету, перепечатывался немецкими и даже американскими газетами. «Мои добрые немцы обвиняют меня, что я слишком снисходителен к русским, – говорил по этому случаю Бис-

⁶⁵ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 3. М., 1941. С. 80.

⁶⁶ Malia M.E. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.); L., 1999. P. 176.

⁶⁷ Алексеев В. Воспоминания бывшего учителя русского языка князя Бисмарка // Исторический вестник. 1894. Т. LVIII (ноябрь). С. 454–456.

⁶⁸ Poschinger H. Fürst Bismarck. Neue Tischgespräche. Bd. 1. Stuttgart, 1895. S. 159–160; Liszkowski U. Op. cit. S. 119–120.

⁶⁹ Львов Е. Из Берлина. В замке у князя Бисмарка // Новое время. 1890. 3 мая.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Кольцо князя Бисмарка // Русская мысль. 1885. № 10. 2 паг. С. 150–152.

марк. – Но они должны понимать, что во всей Германии только я в критические моменты говорю “ничего”, а в России в такие моменты его произносят 100 миллионов»⁷².

Образ России складывался у Бисмарка как из собственных впечатлений, так и на основе бытовавших в Германии представлений и стереотипов. Следует учесть, что круг его русских знакомств, помимо дипломатов и представителей высшей знати, фактически ограничивался разного рода обслугой, которая и воспринималась им как «народ». Вспоминая Россию, Бисмарк отмечал, что там «народ любезный и хорошей натуры»: «Во время охоты на медведя мне случилось быть одному среди сотен крестьян, которых я иногда бранил. Они же всегда оставались вежливы, почтительны и совсем не задиристы»⁷³. При этом он довольно категорично заявлял, что русский мужик – это «грязный, забитый, ленивый и безграмотный человек», который однако, будучи отданным в солдаты, уже через год «делается бодрым, видным, поворотливым и сметливым»⁷⁴.

Бисмарк писал о своеобразном отношении русских к времени и к труду. Вдоволь наобщавшись с неспешно запрягавшими извозчиками, которые затем навёрстывали время бешеной ездой, и обобщая этот опыт в письме к жене из Москвы в 1859 г., Бисмарк констатировал: «Медленно запрягать и быстро ездить – в характере этого народа»⁷⁵. Напротив, суждения о том, что русские ленивы, «как все славяне», и неспособны к систематическому труду, явно делались с чужих слов или же на основе привезённых из Германии предрассудков⁷⁶. Самостоятельные наблюдения на сей счёт едва ли могли накопиться за первые два месяца пребывания в России.

Среди неприглядных черт русской жизни Бисмарк указывал пьянство («Россия – это пьяный мужик»)⁷⁷, взяточничество и воровство. Находясь в отпуске в Германии, он охотно рассказывал о «бесстыдной продажности русских чиновников снизу доверху» и хитроумных видах взятки, вроде покупки просителем за большие деньги ненужной ему и никчёмной картины⁷⁸. Несколько страниц его мемуаров посвящены описанию случаев воровства при Дворе⁷⁹.

Бисмарк разделял стереотипы своего времени о нецивилизованности и «азиатском характере» русских. Не будучи выраженным националистом, он то и дело упоминал о «русской глупости», «славянской лживости и вёрткости» и проч. Союз с Австро-Венгрией 1879 г. он обосновывал невозможностью подобной степени близости с «полуварварской глупой нацией, подстрекаемой

⁷² См., например: *Der eiserne Ring des eisernen Kanzlers // Wöchentliche Anzeigen für das Fürstenthum Ratzeburg*. 1885. 20 October. № 81. S. 6. См. также: <http://wafr.lbm.de/show.php?action=1885-10-20>. Несколько лет спустя Львов расспрашивал князя, насколько соответствует истине этот «знаменитый в России анекдот». Бисмарк лишь уточнил, что речь идёт не о кольце, а о печатке, которая всё ещё при нём (*Львов Е.* Указ. соч.). Данное интервью, перевод которого появился в полутора десятках немецких газет, ещё больше способствовало распространению этой истории в Германии (*Poschinger H.* Op. cit. S. 291).

⁷³ *Ballhausen L.* Op. cit. S. 15.

⁷⁴ *Алексеев В.* Указ. соч. С. 454.

⁷⁵ *Bismarck Q* Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. Stuttgart, 1900. S. 436; *Бисмарк О., фон.* Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1859–1862 гг. / Пер., коммент. В.С. Дударева. СПб., 2013. С. 108.

⁷⁶ *Liszowski U.* Op. cit. S. 123.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Die Tagebücher des Freiherrn Reinhard v. Dalwigk zu Lichtenfels aus den Jahren 1860–71.* Stuttgart, 1920. S. 42.

⁷⁹ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 1. С. 164–165.

панславизмом»⁸⁰. Как большинство его современников, он не считал русских «Kulturvolk» («культурным народом») хотя, в отличие от многих других, имел возможность соприкоснуться с насыщенной художественной жизнью Петербурга. Однако она прошла мимо него, как и все достижения русской литературы и искусства второй половины XIX в. Множество написанных Бисмарком страниц содержат ссылки на писателей со всей Европы, но не на Тургенева, Толстого и Достоевского.

Германский канцлер не был чужд ориенталистского дискурса, предлагавшего видеть в России «азиатскую», «восточную» державу⁸¹, с особой охотой представляя в качестве «азиатов» своих политических противников. Так, он критически отзывался об «азиатских воззрениях» Горчакова и перефразировал известную фразу, говоря: «Поскреби царя Александра и найдёшь Тамерлана»⁸². Будучи уже в отставке, на вопрос французского журналиста, бывал ли он за пределами Европы, Бисмарк, поколебавшись, ответил: «Могу всё же сказать, что да., я был в России»⁸³.

В отличие от большинства своих соотечественников, Бисмарк не возмущался русификацией Остзейского края, считая, что она лишь ослабляет соседнюю империю. «Канцлер считает, – указывалось Швейницу в 1885 г., – что было бы хорошо, если бы все немцы в России ассимилировались, поскольку они служат усилению России в армии, управлении, промышленности и сельском хозяйстве. Если бы Россия опиралась только на собственную национальность, она была бы менее опасной для Германии. Господин посол благоволит проникнуться этой мыслью»⁸⁴. Как и во многих других случаях, эти оценки Бисмарка отличались постоянством. Ещё в первой половине 1870-х гг. Бисмарк заявил в беседе с известным венгерским писателем М. Йокаи: «Мои соотечественники, немцы, очень прилежные, старательные, работающие, честные, экономные бюргеры, но когда однажды они становятся русскими, они просто перенимают недостатки русских вдвойне, а старые хорошие качества теряют». Он даже привёл по-русски услышанный им в России афоризм: «Если ворует русский, он ворует, чтобы хватило на день; но если ворует немец, то он ворует, чтобы хватило и на следующий день, и осталось детям»⁸⁵. Тем не менее русские публицисты не верили, будто германский канцлер действительно приветствует ассимиляцию 3 млн остзейцев, и видели в его словах скрытый призыв, напротив, «немцев обрусению не подвергать, а оставлять их в немецкой неприкосновенности»⁸⁶.

Бисмарк признавал отличительной чертой русского национального характера исключительную стойкость, устойчивость и постоянство, но, по его мнению, это была «примитивная» мощь⁸⁷, основанная на подчинении, а не на

⁸⁰ Ballhausen L. Op. cit. S. 173.

⁸¹ Klug E. Das «asiatische» Rußland. Über die Entstehung eines europäischen Vorurteils // Historische Zeitschrift. 1987. № 245. S. 265–289; Lemberg H. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert: Vom «Norden» zum «Osten» Europas // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1985. Bd. 33. S. 48–91.

⁸² Цит. по: Lisowski U. Op. cit. S. 134–135; Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 203.

⁸³ Цит. по: Katzer N. Op. cit. S. 18.

⁸⁴ Цит. по: Schneider I. Die deutsche Rußlandpolitik 1890–1900. Padebom, 2003. S. 117; Busch M. Tagebuchblätter. Bd. III. Leipzig, 1890. S. 201; Lisowski U. Op. cit. S. 133.

⁸⁵ GW. Bd. VIII. S. 107; Gonda I. Bismarck és az 1867-es osztrák-magyar kiegyezés. Budapest, 1960. 162 old.

⁸⁶ Мещерский В.П. Два слова по поводу мнения князя Бисмарка о русских немцах // Гражданин. 1874. № 10. 11 марта.

⁸⁷ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. С. 165.

сознательности и развитии индивида. Русские оставались для него «массой», податливость которой контрастировала с немецкой твёрдостью. Они представлялись ему прекрасными солдатами и хорошими подчинёнными, но плохими начальниками и необучаемыми офицерами⁸⁸. В 1868 г. в одной из бесед Бисмарк заявил: «Русские ничего не могут делать без немцев. Они не могут работать, но их легко вести. У них нет никакой силы сопротивления, и они следуют их господам»⁸⁹. Характерно, что, выступая против женитьбы прусских дипломатов на иностранках, Бисмарк делал исключение для русских: «Француженка, австрийка остаются таковыми на всю жизнь; русская скорее приспособится»⁹⁰.

За этим скрывались своеобразные представления о «мужских» и «женских» народах⁹¹, пронизанные чувством немецкого национального превосходства. По мнению Бисмарка, «немецкая, германская раса» воплощала собой «мужской принцип», оплодотворяющий Европу, в то время как кельтские и славянские народы – «женского пола». Он не сомневался в том, что Россию создали варяги-германцы, и если лишить её живущих в ней немцев, то она утратит способность к полноценной государственности⁹². Подобные убеждения он сохранил до конца жизни. В 1895 г. Бисмарк заявил делегации посетивших его австрийских немцев, что германцы изначально сильнее и мужественнее славян и предназначены быть «руководящим элементом, подобно мужу в семье»⁹³.

В то же время Бисмарк по-своему пытался понять особенности двух наиболее интересовавших его славянских народов. «Между русскими и поляками, – утверждал он, – от природы существует фундаментальное различие. Русский по сути своего духа – это фантазёр, мечтатель, если хотите, тихий романтик; поляк – интриган, лицемер, неискренний и ненадёжный»⁹⁴. Охлаждение русско-германских отношений канцлер связывал в том числе и с деятельностью поляков, которые, ненавидя и русских, и немцев, будто бы целенаправленно воздействовали через прессу на общественное мнение, сея вражду между двумя соседними странами⁹⁵.

Идеологические мотивы также влияли на отношение Бисмарка к России. Он писал, что на заре карьеры его причисляли к тем, кто «пахнет юфтью»⁹⁶ (юфть служила метафорой России), т.е. к консервативным прусским русофилам⁹⁷. Без сомнения, идеологическая близость имела определённое значение для Бисмарка – консерватора, монархиста, ярого противника всяческих рево-

⁸⁸ *Poschinger H.* Op. cit. Bd. 1. S. 160.

⁸⁹ *Bluntschli J.C.* Denkwürdiges aus meinem Leben. Bd. III. Nördlingen, 1884. S. 195.

⁹⁰ Между тем поводом к стремлению запретить такие браки стала именно женитьба Радовица на русской (GW. Bd. VI a. S. 432–433).

⁹¹ О «топосе пола» у Бисмарка см.: *Odenwald-Varga Sz.* «Volk» bei Otto von Bismarck. Eine historisch-semantiche Analyse anhand von Bedeutungen, Konzepten und Topoi. Berlin, 2009. S. 411–417.

⁹² *Busch M.* Graf Bismarck und seine Leute während des Kriegs mit Frankreich. Bd. 2. Leipzig, 1878. S. 310.

⁹³ *Bismarck O.* Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Historisch-kritische Gesamtausgabe, besorgt von. Horst Kohl. Bd. 13. Stuttgart, 1905. S. 344.

⁹⁴ *Poschinger H.* Op. cit. Bd. II. S. 380.

⁹⁵ Ibid. Bd. I. S. 369–370; *Hofmann H.* Fürst Bismarck 1890–1898. Nach persönlichen Mitteilungen des Fürsten und eigenen Aufzeichnungen des Verfassers, nebst einer authentischen Ausgabe aller vom Fürsten Bismarck herrührenden Artikel in den «Hamburger Nachrichten». Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1913. Bd. I. S. 165; Bd. II. S. 73, 198.

⁹⁶ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 1. С. 124.

⁹⁷ Подробнее об этом см.: *Медяков А.С.* Запах России // Диалог со временем 2012. Вып. 40.

лющий. Он был убеждён в том, что монархическое устройство укрепляет государство, а республиканское – его ослабляет (именно поэтому он выступал за сохранение республики во Франции). Впрочем, отнюдь не эти соображения заставляли его постоянно указывать на необходимость в России сильной монархической власти. Бисмарк вовсе не желал усиления России, но его пугала её «грубая беспорядочная масса»⁹⁸, которой может придать форму только твёрдая рука. «Россия – это лошадь, которой надо в настоящее время почувствовать узду хозяина», – говорил он русскому послу вскоре после убийства Александра II⁹⁹. Непредсказуемость внутреннего развития России беспокоила германского канцлера даже больше, чем её армия. Ещё будучи посланником в Петербурге, он с настороженностью наблюдал, как в правящих кругах на смену «европейцам» эпохи Александра I и «военным» николаевской поры приходит новое поколение с «национальными» симпатиями и ярко выраженными антинемецкими настроениями¹⁰⁰. Наряду с этим смущало Бисмарка и быстрое распространение либерализма и «нигилизма». Всё это грозило непросчитываемыми поворотами в судьбе страны и её внешней политики, заставляя уповать на то, что сильный самодержец сумеет не дать «массе» прийти в движение.

Не удивительно, что Бисмарк уделял пристальное внимание личным качествам русских монархов. Хотя он и заявлял, что в годы своей молодости «взирал на императора Николая снизу вверх как на высшее существо»¹⁰¹, в действительности политика, выражавшаяся словом «Ольмюц», вызывала у него категорическое неприятие. Частые упоминания Бисмарком таких вех германской истории, как Тильзит, Эрфурт и Ольмюц, свидетельствовали о том, насколько он тяготился русской опекой¹⁰². В целом, на отношение Бисмарка к России заметно влиял своеобразный комплекс неполноценности, унаследованный с николаевских времён, когда «мы жили на положении русских вассалов»¹⁰³. С этим была связана впоследствии и повышенная чувствительность канцлера к тем дипломатическим шагам, которые воспринимались им в подобном духе.

Весьма показательно, как менялись его суждения об Александре II. Если в конце 1860-х гг. он хвалил его «честный и прямой характер с твёрдым словом»¹⁰⁴, то спустя 10 лет порицал ту «непредсказуемую политику», которую царь и Д.А. Милютин проводили «с азиатской заносчивостью»¹⁰⁵.

Поворот пришёлся на вторую половину 1870-х гг., когда Александр II всё настойчивее стал требовать от Германии поддержки своих действий на Балканах, рассматривая её как естественную благодарность за позицию, занятую им в 1870 г. Подобные надежды во многом опирались на обещания самого Вильгельма I, писавшего в начале Восточного кризиса в Петербург: «Память о Вашей позиции ко мне и моей стране с 1864 по 1870–1871 гг. будет направлять мою политику по отношению к России, что бы ни случилось»¹⁰⁶. Не сомневаясь в чувствах своего дяди, Александр II всю вину за несбывшиеся ожидания возложил на Бисмарка, к которому прежде, судя по донесениям из Петербурга,

⁹⁸ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 243.

⁹⁹ Ламздорф В.Н. Дневник (1886–1890). М.; Л., 1926. С. 111.

¹⁰⁰ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. С. 159–163.

¹⁰¹ Radowitz J.M. Op. cit. Bd. 1. S. 298.

¹⁰² Schneider I. Op. cit. S. 27.

¹⁰³ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 4. С. 199–200.

¹⁰⁴ APP. Bd. IX. S. 706.

¹⁰⁵ Ballhausen L. Op. cit. S. 174.

¹⁰⁶ GP. Bd. 2. S. 37.

питал «прямо-таки восторженную любовь»¹⁰⁷. Вскоре в Берлине стало известно, что Берлинский конгресс характеризуется им как «европейская коалиция против России под руководством князя Бисмарка»¹⁰⁸. В знаменитом «письме-затрещине» русского монарха немецкому, написанном почти в угрожающем тоне, германский канцлер прямо уже обвинялся в ухудшении отношений между двумя империями¹⁰⁹. Бисмарку же казалось, что «Россия повела себя по отношению к своему единственному другу, как азиатский деспот, к которому слуга недостаточно быстро взбегает по лестнице»¹¹⁰. В 1879 г. состояние крайнего раздражения и личной уязвленности сыграло определённую роль при заключении им союза с Австро-Венгрией.

Но особую неприязнь вызывал у германского канцлера кн. Горчаков. Бисмарк умел и даже любил ненавидеть. Ближайшие друзья отмечали у него «болезненную раздражительность» и особенно то, «насколько сильно он лелеет чувства мести и отмщения за истинную или мнимую несправедливость»¹¹¹. Объявив – заслуженно или нет – кого-либо своим врагом, Бисмарк обычно уже не менял своей оценки и был способен долгие годы преследовать недругов. Из иностранцев к их числу принадлежали прежде всего саксонский и австрийский министр Ф.Ф. Бойст¹¹², Гладстон и Горчаков, которому Бисмарк не мог простить то, что сам называл себя его учеником, когда был посланником. Русский канцлер охотно вспоминал об этом, хотя и утверждал, что Бисмарк «соотносится с ним так же, как Рафаэль со своим учителем»¹¹³. А после «военной тревоги» 1875 г. Бисмарк уже при каждом удобном случае жаловался на Горчакова, который приписывал ему воинственные намерения и «использовал мои плечи как пьедестал, чтобы явиться Европе в качестве ангела мира»¹¹⁴. Близкий в то время к Бисмарку Ф. Гольштейн даже писал, что отныне внимание «железного канцлера» сосредоточивалось не на России, а на Горчакове¹¹⁵. Министр иностранных дел Австро-Венгрии, убеждённый противник России гр. Д. Андраши, узнав о заявлениях Горчакова по поводу «военной тревоги», воскликнул: «Этого ему Бисмарк никогда не простит!» Вне себя от радости, темпераментный граф вскочил на письменный стол и «стал задирать вверх ноги, как делают от счастья озорные дети»¹¹⁶. Действительно, выводы, сделанные тогда Бисмарком,

¹⁰⁷ Ballhausen L. Op. cit. S. 79.

¹⁰⁸ GP. Bd. 3. S. 3.

¹⁰⁹ Ibid. S. 8–15.

¹¹⁰ Ballhausen L., v. Op. cit. S. 177. Образ «слуги, недостаточно быстро взбегающего по лестнице», использовал Бисмарком ещё в сравнительно благополучный период русско-германских отношений (Radowitz J.M. Op. cit. Bd. 1. S. 302), затем – во время «военной тревоги» 1875 г. (Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 159), а позднее был только эмоционально усилен.

¹¹¹ Ballhausen L., v. Op. cit. S. 163.

¹¹² См.: Медяков А.С. Граф Бойст: повороты судьбы главного противника Бисмарка // Новая и новейшая история. 2010. № 5.

¹¹³ BHStA. MA I. № 646. Впрочем, баварский дипломат, 4 августа 1870 г. доносивший об этом Людвигу II, сомневался в искренности данного высказывания.

¹¹⁴ Ballhausen L., v. Op. cit. S. 128; Mitnacht H.V. Erinnerungen an Bismarck. Stuttgart, 1904. S. 52.

¹¹⁵ Schmid R-F. Die gescheiterte Allianz. Österreich-Ungarn, England und das Deutsche Reich in der Ära Andrassy (1867 bis 1878/79). Frankfurt a/M etc, 1992; Diószegi I. Bismarck und Andrassy. Ungarn in der deutschen Machtpolitik in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts. München, 1999. S. 254.

¹¹⁶ Vertheimer E. Graf Julius Andrassy. Sein Leben und seine Zeit. Bd. II. Stuttgart, 1913. S. 243; Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo. The foreign policy of Austria-Hungary, 1866–1914. L., 1972. P. 66.

привели Германию к сближению с Австро-Венгрией и изменению взаимоотношений с Россией. Враждебность Бисмарка имела множество проявлений, в том числе довольно мелочных – он отказался предоставлять русскому канцлеру, как было прежде, особый вагон для ежегодных поездок на воды, рассказывал о тщеславии и жадности престарелого дипломата, постоянно требовавшего подарков (часов, табакерок и т.д.)¹¹⁷.

Александр III, по мнению Бисмарка, был не только человек, способный дать «почувствовать узду» своей стране, но и «разумный, простая натура и, главное, честный»¹¹⁸. Однако и его он считал не чуждым «русской заносчивости». Наставляя в 1888 г. Вильгельма II, Бисмарк назвал «высокомерие» России и её неготовность признать Германию равноправным партнёром существенной причиной ухудшения их взаимоотношений в последние 10 лет¹¹⁹.

При воцарении Николая II Бисмарк находился уже в отставке. С точки зрения устойчивости имевшегося у бывшего канцлера образа России показательные вопросы, которые он задал посетившему его в конце 1895 г. Г. Мольтке-младшему, германскому военному атташе в Петербурге. Бисмарк не поинтересовался, например, отношением Николая II к Германии, но зато его волновало, умеет ли молодой император действовать жёстко. Услышав, что новый монарх – «человек уюта», Бисмарк усомнился в его способности удержать народ «в порядке»: «Для русского крестьянина царь, батюшка, должен оставаться полубожеством, даже почти Богом. Я знаю Россию и её людей... Если отвратить шестьдесят миллионов русских от их царя, они скоро начнут творить безумства». Бисмарк предвидел, что, пойдя на уступки, самодержец тут же окажется «перед безбрежным морем»¹²⁰.

В целом Россия представлялась Бисмарку не просто одной из великих держав, но и стихийной силой, и это влияло на его отношение к восточному соседу, наряду с собственно политическими соображениями. В конце 1880-х гг. ему пришлось противостоять резко возросшему давлению военных, требовавших превентивной войны с Россией. Как и 30 лет назад и даже отчасти в тех же выражениях Бисмарк напоминал об отсутствии практической цели и достойного «приза» для такой борьбы¹²¹, при том, что даже победа непременно сплотит реваншистскую Францию на западе с реваншистской Россией на востоке. Кроме того, в одной из частных бесед в конце 1888 г. он отметил: «Австрия ненадёжный союзник, поэтому мы не должны портить отношения с Россией»¹²². Менее чем за год до своей вынужденной отставки он внушал сыну, что связи с Россией необходимо укреплять «до тех пор, пока будет оставаться хоть одна ниточка», поскольку Тройственный союз неустойчив, а Австрия «прогнила и распадается»¹²³.

Бисмарк не мог полностью исключить войну с Россией, но полагал, что она может быть лишь оборонительной, и в этом случае Германия выдержит, даже

¹¹⁷ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 129; Hofmann H. Op. cit. Bd. I. S. 194.

¹¹⁸ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. III. S. 201; См. также: Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 229.

¹¹⁹ GP. Bd. VI. S. 310.

¹²⁰ Generaloberst Helmuth von Moltke. Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877–1916. Stuttgart, 1922. S. 206–207.

¹²¹ GW. Bd. XIV. S. 996.

¹²² Waldersee A. Op. cit. Bd. 2. S. 24.

¹²³ Canis K. Von Bismarck zur Weltpolitik. Deutsche Außenpolitik 1890 bis 1902. Berlin, 1999. S. 29.

сражаясь на два фронта. «Мы вроде сильного парня, – говорил он, – у которого два хороших кулака: один кулак на каждого противника»¹²⁴. Вместе с тем Бисмарк был искренне убеждён в непобедимости России, как по политическим и стратегическим соображениям (выгоды географического положения, численность войск и проч.), так и потому, что она прочно ассоциировалась у него с образом «массы», «стихийной силы», «бескрайнего моря». Он не сомневался, что русские, даже если их разъединить международными договорами, вновь сольются, «как разрезанные кусочки ртути». Сила России виделась Бисмарку в климате, пустынных пространствах, неприхотливости населения¹²⁵. Поэтому он советовал «рассматривать Россию как стихийно существующую угрозу, против которой мы возводим защитные плотины, но которую мы не в состоянии уничтожить»¹²⁶.

* * *

Уйдя в отставку, Бисмарк не отказался от политической борьбы, используя подконтрольную ему прессу для критики «нового курса» Л. Каприви. Поскольку «новизна» его в значительной степени состояла в отказе от тесного сотрудничества с Россией, Бисмарк с тем большим старанием всячески демонстрировал своё «русофильство». Об особом внимании к России в продиктованных Бисмарком в 1891–1893 гг. статьях говорили уже их названия («Наши отношения с Россией», «Германия и Россия», «Князь Бисмарк и продвижение России к Константинополю», «Отношение к России», «Связи с Россией при старом и новом курсе» и т.д.). В них указывалось на необходимость сближения с Россией, рекомендовалось не вмешиваться в судьбу прибалтийских немцев и Константинополя, говорилось об опасности оказаться в зависимости от Австро-Венгрии, если забудутся «слова о ценности... костей померанского гренадера»¹²⁷. Творцы «нового курса» обвинялись в том, что, порвав с Петербургом, они толкнули его в объятия Франции¹²⁸. Бисмарк же изображался сторонником традиционно дружественных русско-германских отношений и даже «четвёртым уполномоченным России» на Берлинском конгрессе¹²⁹.

В целом публичные выступления Бисмарка после отставки – газетные статьи, речи, многочисленные интервью и, конечно, «Мысли и воспоминания» составляли единый комплекс его политического завещания. В них настойчиво вплоть до дословных повторов излагались одни и те же идеи, и прежде всего напоминалось о необходимости и возможности избежать рискованной и бес-

¹²⁴ Poschinger H. Op. cit. S. 160.

¹²⁵ GP. Bd. 6. S. 303. Практически о том же Бисмарк спустя два года говорил Львову: «Зима и огромные пространства – это ужасное орудие, которое ничем не пополнишь и никак не отнимешь, и эти деревянные дома, которые ничего не стоит выстроить снова, а главное самое, сильное и непобедимое – это личное качество русского благородного народа, всегда преданного и довольного тем, что он имеет» (Новое время. 1890. 5 мая).

¹²⁶ GP. Bd. 6. S. 303.

¹²⁷ Hofmann H. Op. cit. Bd. I. S. 349–382; Bd. II. S. 4–6, 119–122, 171, 187.

¹²⁸ Ibid. Bd. II. S. 230–231, 373. Доказывая это, 24 октября 1896 г. в статье «Князь Бисмарк и Россия» бывший канцлер фактически предал огласке до того момента секретный «договор о перестраховке», что вызвало бурную реакцию, вплоть до требований отдать его под суд (Ibid. Bd. II. S. 370–414; Bd. I. S. 99–102; Waldersee A. Op. cit. Bd. 2. S. 375–377).

¹²⁹ Hofmann H. Op. cit. Bd. I. S. 180; Bd. II. S. 249–251, 365–367.

перспективной войны с Россией: «Мы ни в чём не завидуем друг другу и нам нечего приобретать друг у друга, что могло бы нам пригодиться»¹³⁰.

Однако после смерти Бисмарка в 1898 г. «русская» часть «завещания» оказалась почти не востребованной. Идея связи, а тем более «дружбы» с Россией уже в последние годы его канцлерства находила крайне мало сторонников в правящих кругах Германии. «Здесь, собственно, все за войну, и лишь его светлость делает отчаянные усилия, чтобы сохранить мир», – писал о Бисмарке в январе 1888 г. Ф. Гольштейн¹³¹, за два года до этого выражавший недовольство тем, что канцлер пытается «гладить» Россию, тогда как «бешенная собака всё равно укусит»¹³². «Наши военные во главе с кайзером сейчас того мнения, что мы в любом случае будем *должны* (выделено в тексте. – А.М.) сражаться с Россией.., – отмечал Радовиц. – Они говорят: Бисмарк стал старым, он хочет мира а tout prix (любой ценой. – А.М.), слишком погряз в старых привязанностях к России». Новый начальник Генерального штаба А. Вальдерзее, активный противник Бисмарка, утверждал, что к 1 апреля 1890 г. немецкая армия будет полностью готова к войне (это стало бы своеобразным «подарком» к 75-летию канцлера)¹³³. В дни отставки Бисмарка Вальдерзее поощрял кайзера к более жёсткой политике. «Славяне, – утверждал он, – хотят, чтобы с ними обходились пинками, они ещё и целуют сапог, который их пнул»¹³⁴.

Весьма критично по отношению к России было настроено и немецкое общественное мнение. Как писала ещё в 1854 г. одна из прусских газет, «француз нам любезен даже как враг, русский – отвратителен, даже если он союзник»¹³⁵. Летом 1863 г. Вильгельм I отклонил предложение Александра II заключить союз, ссылаясь именно на то, что это вызовет оппозицию в обществе¹³⁶. Наиболее жёсткую позицию занимали либералы и социал-демократы с их традиционной русофобией¹³⁷. Для них Бисмарк был не только «классовым врагом» и автором «антисоциалистического закона», но и тем, кто связывал Германию с «варварским государством цивилизации кнута» и «раболепно прислуживал» «Святой Руси»¹³⁸. В отношении России постепенно складывался национальный консенсус, простиравшийся от социал-демократов до католиков и консерваторов¹³⁹. К началу Первой мировой войны подобные настроения пронизывали уже все социальные слои¹⁴⁰.

¹³⁰ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 100.

¹³¹ Цит. по: Hildebrand K. Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871–1945. München, 2008. S. 130.

¹³² Holstein F. Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Bd. II. Göttingen; Berlin; Frankfurt a/M, 1957. S. 347–348.

¹³³ Radowitz J.M. Op. cit. Bd. 2. S. 296. Однако и прежний начальник штаба Г. Мольтке-старший не был настроен миролюбиво. «Возможность войны с Россией сильно занимает его и мы ежедневно беседуем с ним на эту тему», – писал Вальдерзее (Waldersee A. Op. cit. Bd. 1. S. 219).

¹³⁴ Waldersee A. Op. cit. Bd. 2. S. 118.

¹³⁵ Цит. по: Buschmann N. Einkreisung und Waffenbruderschaft: Die öffentliche Deutung von Krieg und Nation in Deutschland 1850–1871. Göttingen, 2003. S. 217.

¹³⁶ APP, Bd. III. S. 626–629.

¹³⁷ См.: Медяков А.С. «Там, на Востоке стоит наш единственный враг». Август Бебель о России // Родина. 2012. № 5.

¹³⁸ Liebknecht W. Zur orientalischen Frage oder: Soil Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk. Leipzig, 1878. S. 23; Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. М., 1962. С. 190.

¹³⁹ Canis K. Bismarcks Außenpolitik. S. 28–29; Geyer D. Op. cit. S. 156.

¹⁴⁰ Paddock T.R.E. Creating the Russian Peril. Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890–1914. Rochester; N.Y., 2010.

Между тем с момента отставки Бисмарка неуклонно росла его популярность, превратившаяся к началу XX в. в настоящий культ¹⁴¹. Однако общественным мнением фигура канцлера воспринималась и мемориализировалась избирательно. Представления о реальном Бисмарке, личность и политика которого вызывали так много споров, зачастую подменялось героическим мифом, воплощавшим систему ценностей и национальные амбиции вильгельмовского времени¹⁴². Всё богатство политического наследия «железного канцлера» было сведено до воинственной фигуры в кирасирских сапогах и крылатой фразы: «Мы, немцы, боимся только Бога и больше ничего на свете». Именно такой его облик тиражировали бесчисленные открытки рубежа веков, ставшие самым массовым визуальным выражением культа Бисмарка в Германии¹⁴³.

Эти слова из речи, произнесённой в рейхстаге 6 февраля 1888 г.¹⁴⁴, служат ярким примером отношения к наследию Бисмарка. Совершенно забыто было продолжение громкой фразы: «А уж богобоязненность заставляет нас любить и сохранять мир». Игнорировались и попытки самого Бисмарка напомнить, что первоначальный смысл его выступления заключался именно в необходимости мира с Россией (не случайно в своё время оно так понравилось Александру III, который даже прислал Бисмарку большую бочку чёрной икры)¹⁴⁵. Напрасно на страницах своей прессы Бисмарк разъяснял, как нужно понимать его высказывание: «Мы с Божьей помощью выстоим в любой оборонительной войне, но от этого война между Россией и Германией не становится желательной и перспективной»¹⁴⁶. Даже его авторитета оказалось недостаточно для преодоления стереотипов.

Но и в русском обществе, как отмечал Вальдерзее, наблюдалось «донельзя странное явление»: «В России Бисмарк поносится как худший враг, в то время как у нас его относят к тем немногим, кто имеют симпатии к России»¹⁴⁷. Во многом это было связано с «маклерством» Бисмарка на Берлинском конгрессе, которое после «газетной войны» долго воспринималось в общественном сознании как «предательство» и «неблагодарность». Лишь к рубежу веков в публицистике начали признавать, что Бисмарка напрасно обвинили в «нашем поражении на Берлинском конгрессе»¹⁴⁸.

¹⁴¹ См.: *Parr R.* «Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust». Strukturen und Funktionen der Mythisierung Bismarcks (1860–1918). München, 1992; *Machtan L.* Bismarck-Kult und deutscher National-Mythos 1890 bis 1940 // *Bismarck und der deutsche National-Mythos*. Bremen, 1994.

¹⁴² *Wülfing W., Bruns K.* Historische Mythologie der Deutschen München, 1991. S. 154–163; *Gerwarth R.* The Bismarck Myth. Weimar Germany and the Legacy of the Iron Chancellor. Oxford University Press, 2005. P. 7–8, 16–17; *Ullrich V.* Der Mythos Bismarck und die Deutschen // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2015. № 13. S. 18.

¹⁴³ *Медяков А.С.* Первая мировая война на почтовых открытках. Т. 1. Киров, 2014. С. 32–36.

¹⁴⁴ *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. VII. Legislaturperiode. II. Session 1887/88. Bd. 2. Berlin, 1888. S. 723.* См. также: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt3_k7_bsb00018648_00033.html

¹⁴⁵ *Ballhausen L.* Op. cit. S. 419.

¹⁴⁶ *Hofmann H.* Op. cit. Bd. II. S. 419.

¹⁴⁷ *Waldersee A.* Op. cit. Bd. 2. S. 70.

¹⁴⁸ См., в частности: *Слонимский Л.З.* Князь Бисмарк в его отношениях к России // *Вестник Европы*. 1903. Т. IV. Кн. 7. С. 327. При этом на первых порах осуждение Бисмарка вовсе не было единодушным. Так, самый читаемый в России семейный журнал «Нива» осенью 1878 г. предлагал своим читателям ребус, расшифровывавшийся: «Заслугами Бисмарка и нашими уступками Европа спасена от ужасов и истощения войны» (Нива. 1878. № 40. 2 октября).

К этому времени уже не столько конкретные политические шаги бывшего канцлера определяли отношение к нему в России, сколько процесс, аналогичный происходившему в то же время в Германии – Бисмарк «сливался» с созданной им империей, превращаясь в её символ. Однако в России перед Первой мировой войной мирная «Германия Канта, Гегеля» обычно принципиально противопоставлялась воинственной «Германии Бисмарка»¹⁴⁹. Тому, о чём говорил канцлер в отставке, не доверяли ни либеральные, ни консервативные публицисты. Впрочем, со временем по мере усиления русско-германских противоречий, «вину» за разрыв с Россией стали всё чаще возлагать на его преемников. В целом же, накануне и в годы Первой мировой войны в России сохранялся амбивалентный образ Бисмарка как творца немецкого милитаризма, с одной стороны, и сторонника хороших отношений с восточным соседом – с другой. И если «Новое время» писало о «тяжёлом наследстве» «железного канцлера», приведшем к столкновению держав, то П.Б. Струве видел в войне не порождение, а «крушение дела Бисмарка»¹⁵⁰.

¹⁴⁹ *Cohen A.J.* Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung «Russkoe slovo» (1907–1917) // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg.* München, 2006. S. 262–263; *Hermann A.* Zum Deutschlandbild der nichtmarxistischen russischen Sozialisten. Analyse der Zeitschrift «Russkoe Bogatstvo» von 1880 bis 1904. München, 1974. S. 87. Немногие, как С.Л. Франк, полагали, что «во всём духовном типе Бисмарка... явственно выступают ещё черты старой Германии Канта и Гёте» (*Франк С.Л.* О духовной сущности Германии // *Русские философы о войне.* М., 2005. С. 435).

¹⁵⁰ Железный канцлер // *Новое время.* Иллюстрированное приложение. 1914. 12 сентября, 19 сентября; *Струве П.Б.* Крушение дела Бисмарка. К столетию со дня его рождения // *Русская мысль.* 1915. № 4. С. 5–7. См. также: *он же.* Суд истории // Там же. 1914. № 11. С. 163–167; *Плотников Н., Колеров М.* «Победить в себе внутреннего немца». Русская национально-либеральная философия войны (1914–1917) // *Россия и Германия в XX веке.* Т. 1. М., 2010. С. 46–47.